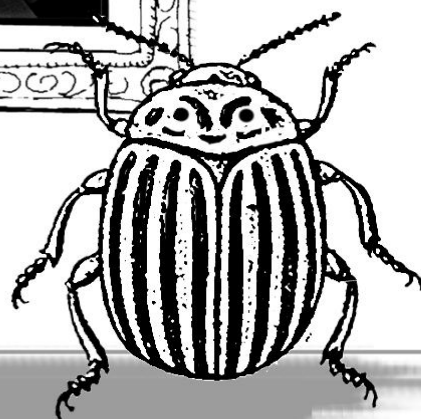

Альцгеймер не дурак

Семен Грила

Альцгеймер не дурак

Иван Трофимович Севастьянов был губернатором. Или, как теперь принято говорить, стэйтменом. Провинция его располагалась не рядом с метрополией, а углублена была значительно дальше на север. Его это очень радовало. Правда, так было не всегда.

Вначале своего долгого сидения на посту, когда он был молодым, с отличным метаболизмом, с регулярными приливами дофамина и отливами кортизола, ему хотелось быть поближе. Но с годами, после длинной дороги, лежавшей в основном через трупы невыполненных обещаний — не только его, но и ему, — он понял, что было его большой и единственной удачей именно такое расположение, как сейчас.

Впрочем, сейчас он точно не знал, где находится. Мерцающий Альцгеймер — а именно такой диагноз поставил ему доктор, весёлый доктор Шапиро, — привнёс в его жизнь много сюрпризов, от которых ему иногда становилось легче, но не всегда.

Вот, например, сегодня он не знал, кто перед ним сидит. Ему по привычке представилось, что это колорадский жук Остин, но на деле посетителем оказался нотариус Картавых. Слава богу, он дал визитку. «Чудеса», — подумал Севастьянов и тут же обеспокоился: «А где же жук Остин тогда? Загадка. И неприятная». Он любил жука, в отличие от нотариусов.

— Итак, — сказал он, читая с визитки, — мой дорогой Картавых, Иван Арнольдович, что привело вас к нам?

— Видите ли, — Картавых был маленьким мужичком с лысиной, очками и испариной. — Видите ли, — повторил он, — я исполняю завещание некоего Бенжамина Шахова, и вы в нём упомянуты. Вот поэтому я и пришёл.

— А я знал Бенжамина? — сначала про себя, а потом вслух спросил губернатор.

Картавых пожал плечами:

— Я не в курсе, завещание удостоверял не я, я лишь исполнитель, которого вписал нотариус, который его составлял.

— Это странно, вы не находите? — Севастьянов пожевал губами.

— Вот смотрите, как получается: этого Бенжамина ни вы, ни я не знали, а он был, и даже больше — он есть. Ведь он сейчас нас напрягает. Сейчас! — Губернатор опять пожевал губами.

— Что делать, такова жизнь, — развёл руками нотариус. — Нас и на том свете достанут.

— Вы так считаете? — удивился губернатор, его брови поползли вверх. Потом он обмяк, откинулся на спинку кресла, в котором сидел, и промямлил: — Возможно, вы и правы.

Теперь и Севастьянов вспотел.

— Так что вам угодно? — спросил он.

— Я прочту часть завещания, касающуюся вас, а вы решите, как нам быть дальше.

— Давайте.

— «Вы должны отправиться в северную провинцию, найти губернатора, и если он при встрече спутает вас с жуком Остином, отдать ему конверт номер пять. Если же не спутает, то конверт следует уничтожить».

— А нельзя ли считать, что я вас не называл жуком?

— А вы и не называли.

— Таким образом...

— Но вы так подумали.

— Вы читаете мысли?

— В определённом смысле, — нотариус вспотел сильнее, с кончика его носа упала капля.

— Вы расист?

— Почему?

— У вас на носу роса.

— А, это пот. Хотя в известном смысле все параллели схожи. Извините.

— Мы можем договориться?

— Нет.

— Почему?

— Это слишком долгая история для вас, вы не сможете проследить до конца, даже если я расскажу, а я и начинать не хочу.

— Вы неприятный.

— Согласен, и тем не менее — вот конверт, — Картавых достал тонкий белый конверт, на котором виднелась большая цифра пять. Он положил его на стол перед губернатором.

— И что прикажете мне теперь делать?

— Если на мой вкус — как можно быстрее забыть меня, а потом гадать, откуда взялся конверт.

— Что? — перебил его губернатор. — Что в нём?

— Откуда мне знать, — опять пожал плечами посетитель.

— Вам интересно?

— Мне — нет, — Картавых побледнел и перестал потеть. — Сосуды шалют, — пояснил он, — с детства у меня такое, не делайте поспешных выводов.

— А! — сказал губернатор и убрал конверт в стол.

Нотариус встал, махнул рукой и вышел. Губернатор тут же забыл его.

Так закончился очередной день. Они были короткими у Ивана Трофимовича. Свет зажигался нечасто — это были дни, а всё остальное — одна бесконечная ночь. В темноте губернатор чувствовал себя каменным, таким вот обездвиженным куском булыжной мостовой, по которой едет повозка с деревянными колёсами. Когда она ехала, он сознавал, что жив. Когда мостовая была пуста — его не существовало, он был тих и элегантен в своём небытии.

Совещание длилось уже третий час. А Ивана Трофимовича всё не было. Он присутствовал, но не был. Темой обсуждения было ЖКХ, а именно — лифты. Они не работали или работали плохо. Обслуживать было некому. Таджики уже не хотели, а пакистанцы ещё не умели. Деньги регулярно выделялись, но, так как их не хватало на решение проблемы, их с лёгким сердцем тратили на другое, что тоже не решалось.

Все высказывались ярко, не по существу. Особенно ответственный за тему заместитель губернатора. Он витийствовал и угрожал — сначала другим, а потом собой. Севастьянов молчал. Он слушал Остина. Тот пытался уговорить его ехать немедленно на пикник, всё бросить и ехать. Жук рассказывал, какие чудесные девчонки из бухгалтерии поедут с ними.

Девчонки в описании Остина представлялись молодыми здоровыми доярками — именно так видел Остин работниц бухгалтерии. Иван Трофимович вяло отнекивался, стыдливо махал руками и повторял: «Нет-нет, так дело не пойдёт». Когда он сказал это вслух в третий раз, все замолчали, а жук исчез. Губернатор огляделся.

— Кто виноват? — спросил он вдруг.

— Система, — воскликнул молодой ещё чиновник из отдела соцгарантий.

— Так дело не пойдёт, — веско в четвёртый раз повторил губернатор. — Система не может быть виновата. Она — это мы. Если она виновата — значит, и мы. А мы ни в чём не виноваты. Такого просто не может быть.

— Это всё фантазии, — сказал опытный сотрудник. — Молодые, горячие моря не видели.

— А вы видели, можно подумать, — обиделся молодой из соцгарантий.

— Мы всё видели, — сказал другой, который был старше старшего. — Только молчать научились вовремя. Попомните ещё нас.

— Ладно, и он научится, — поморщился Иван Трофимович. — Что будем делать? Долго сидим, а сдвигов нет. Не готовы?

— Отключить лифты, — сказал один.

— Найти денег в резервном фонде, — сказал другой.

— Денег нет, — сказал третий.

— Лифты отключать нельзя, — сказал четвёртый.

— Значит, так, — сказал губернатор, — пока лифты оставим как есть. Это первое. Соберёмся через неделю — и с конкретными предложениями. Это второе.

— Э... — сказал кто-то.

— Все свободны, — произнёс губернатор.

Задвигались стулья, чиновники шли к выходу. Свобода.

У Севастьянова начинался день. Повозки ехали по брусчатке. Топали пешие путники.

«Я живой», — понял он. Существование ненасытно. Оно непостижимо и бесконечно.

Его душа ликовала. Вернулся Остин. И всё-таки уговорил его насчёт пикника и бухгалтерии. Завтра будет феерический праздник. Шашлыки. Водка. Да что загадывать... По-любому будет хорошо.

Ковыряясь в столе в поисках чего-то, что он забыл, Иван Трофимович нашёл конверт с цифрой пять на лицевой стороне. Повертел в руках, понюхал.

— Что это, Остин? — спросил он.

— Маринка, наверное, письмо тебе написала, — засмеялся жук.

— А почему цифра пять?

— Ну, пять — это же хорошо! Открывай быстрее. Не люблю проволоочки.

Иван Трофимович открыл конверт, достал листок — небольшой листок бумаги с текстом, написанным от руки. Севастьянов прочитал: «Не забывай, пожалуйста, что Остина на самом деле зовут Бенжамин». И подпись: Шахов.

Остин перестал дышать.

— Ты врал мне? Ты не Остин?

— Ну ты сам подумай.

— А кто такой Бенжамин?

— Я не знаю.

— И я не знаю. А он есть.

— Это знание нам не мешает, правда? — спросил Остин.

— Правда, — ответил Иван Трофимович.

Они смотрели друг на друга и не моргали — такая была у них игра.